

21 ЯНВ 1929

1349

P-88 № 1

Годъ II

РУССКОЕ

ЛѢСНОЕ ДѢЛО

ВЫХОДИТЬ 2 РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, КРОМѢ ДВУХЪ ЛѢТНИХЪ МѢСЯЦЕВЪ,

20-е номера въ годъ, съ 15 сентября по 1 июля слѣдующаго года.

15 сентября 1893 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На „Русское Лѣсное Дѣло“

на годъ (20 номеровъ)..... 3 руб.

на 1/2 года (10 номеровъ)..... 3 руб.

съ пересылкою и доставкой.

Полугодовые подписчики, доплатившие въ 1 января 2 руб., переходятъ въ разрядъ годовыхъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать пять семикопѣчныхъ марокъ.

Отдѣльные номера продаются по 30 коп. съ пересылкою.

Объявленія для помѣщенія въ журналъ принимаются за плату 15 руб. за цѣлую страницу и по 8 руб. за 1/2 страницы за каждый разъ; для объявленій, печатаемыхъ не менѣе 3 разъ, дѣляется 20% уступки.

Присылаемые статьи должны быть за подписью и съ полнымъ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются бесплатными.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лѣсной Институтъ, кв. № 25.

СОДЕРЖАНІЕ.

5р 40к

И. Журда. Впечатлѣнія русскаго лѣсничаго въ Привислянскомъ краѣ.

М. Добролюбовъ. Древесные питомники г. Кіева.

Н. Н. Селлинь. Типъ дешеваго дома для лѣсного сторожа.

Правительственные распоряженія.

Мѣстные сообщенія.

Изъ Кіева. VIII Съѣздъ лѣсохозяевъ. М. Орловъ.

Изъ Велико-Анадольскаго лѣсничества. Результаты благопріятнаго года и значеніе кустарниковъ въ лѣсномъ хозяйствѣ. Г. Висоцкаго.

Изъ Полесья. Состояніе лѣсовъ. З. В-въ.

Изъ Кронштадта. Экспортъ лѣса и лѣсныхъ издѣлій.

Изъ Екатеринбургa. Обезпеченіе горныхъ заводовъ топливомъ.

Хроника лѣснаго дѣла.

Вопросы и отвѣты.

411786

1893-1894

148

J. M.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА

РУССКОЕ ЛѢСНОЕ ДѢЛО.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

(Съ 15 сентября 1893 года по 1 июля 1894 г.).

Въ будущемъ подписномъ году „**РУССКОЕ ЛѢСНОЕ ДѢЛО**“ будетъ выходить, какъ и въ настоящемъ, двадцатью выпусками въ годъ, объемомъ каждый около *трехъ* печатныхъ листовъ. Программа изданія остается безъ перемѣны, но количество популярныхъ статей, могущихъ интересовать читателей не специалистовъ, будетъ въ значительной степени увеличено.

Въ каждомъ номерѣ, по возможности, будутъ находиться, кромѣ отдѣльныхъ статей, правительственныя распоряженія, мѣстные сообщенія, хроника лѣсного дѣла, библиографія и вопросы и отвѣты.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разслана 15 января «Справочная книжка для лѣсныхъ хозяевъ», въ которой будутъ помѣщены справочныя свѣдѣнія, необходимыя для лѣсничихъ, лѣсовладельцевъ и лѣсопромышленниковъ.

Желающіе получить «Справочную книжку» въ колесиковомъ переплетѣ прилагаютъ къ подписной цѣнѣ 35 коп. (можно почтовыми марками).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на „**РУССКОЕ ЛѢСНОЕ ДѢЛО**“ остается прежняя:

На годъ (20 номеровъ) . . . 5 руб.

„ 1/2 года (10 номеровъ) . . . 3 „

Полугодовые подписчики, доплатившіе къ 1 января 2 руб., переходятъ въ разрядъ годовыхъ.

Подписка принимается въ редакціи журнала: *С.-Петербургъ, Лѣсной Институтъ, кв. № 25* и въ главныя книжныя магазины.

Желающіе избавиться отъ пересылки подписныхъ денегъ могутъ получить первый номеръ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб. 20 коп. или 3 руб. 20 коп.

Полныя экземпляры журнала за первый годъ изданія, сброшюрованные въ 1 томъ, продаются по 5 руб. съ пересылкою.

Редакторъ-Издатель *В. Добровлянский.*

Годъ II.

РУССКОЕ

№ 1.

ЛѢСНОЕ ДѢЛО.

Впечатлѣнія русскаго лѣсничаго въ Привислянскомъ краѣ.

I.

Мнѣ неоднократно приходилось проѣзжать Привислянской край, когда, въ дни былые, «томимый жаждой знанія и свѣта», я устремлялся въ чужіе края и возвращался обратно изъ этихъ краевъ на родныя нивы. Но всякій разъ я такъ торопился «туда» или «назадъ», что не находилъ возможности удѣлить сколько-нибудь времени нашей западной окраинѣ, которая для русскаго лѣсничаго не могла не представлять живого интереса, хотя бы какъ переходная ступень, какъ послѣдній этапъ къ европейской лѣсной культурѣ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, я оставался вѣренъ большинству русскихъ людей, которые, по мѣткому выраженію знаменитаго сатирика, никогда почти не путешествуютъ, а лишь ѣздятъ «по казенной или частной надобности». Ужъ если мы назначимъ себѣ цѣль поѣздки, будь то по важному или неважному дѣлу, а то и просто безъ всякаго особеннаго дѣла, то рвемся и мчимся впередъ, чтобы скорѣе добраться до мѣста, игнорируя все, что попадаетъ на пути. Страны и народы, нравы и обычаи, природа и культура,—все это пропускается равнодушно мимо глазъ и ушей, попирается презрительно—не ногами даже, а колесами вагоновъ.

Съ подобнымъ равнодушіемъ я проносился неоднократно черезъ Привислянской край, который для меня, до самаго послѣдняго времени, такъ и оставался страной невѣдомой, если не въ географическомъ, то въ лѣсохозяйственномъ отношеніи.

Сколько помнится мнѣ, я увидѣлъ впервые Варшаву въ началѣ 1868 года. Въ это время доживали уже свои послѣдніе дни всѣ центральныя учрежденія здѣшняго края, въ томъ числѣ и «Правительственная комиссія финансовъ и казначейства», которая вѣдала, между прочимъ, казенными лѣсами и другими государственными имуществами Царства Польскаго. Судя по литературнымъ источникамъ, по законодательнымъ актамъ и по административнымъ распоряженіямъ, относящимся къ эпохѣ съ начала текущаго столѣтія до 1868 г. включительно, лѣсное дѣло въ Царствѣ Польскомъ должно было стоять на высокой степени развитія, въ особенности по отношенію къ остальнымъ областямъ Имперіи, гдѣ о какой-либо лѣсной культурѣ не было еще и помину. Само собою разумѣется,

Русское Лѣсное Дѣло, Годъ II, № 1.

эта культура не отличалась здѣсь самостоятельнымъ характеромъ, не представляла никакихъ индивидуальныхъ особенностей, а была, какъ и слѣдовало ожидать, рабскимъ сколкомъ съ нѣмецко-прусскихъ порядковъ, которые, хотя и значительно позже, цѣликомъ перенесены были и къ намъ. Но здѣсь, вслѣдствіе болѣе благоприятныхъ географическихъ и экономическихъ условий, смена нѣмецко-прусской лѣсной культуры развивалась на практической почвѣ и пустили ростки глубже и прочнѣе, между тѣмъ какъ у насъ они коснулись только поверхности необозримыхъ степей, лѣсовъ и дѣррей, и сосредоточились, главнымъ образомъ, въ формѣ «лѣсной науки» и въ платоническихъ возжелѣніяхъ, что сія наука когда-нибудь и какъ-нибудь осуществится на практикѣ. Разныя правительственныя и административныя распоряженія, разныя инструкции и наставленія по лѣсному вѣдомству Привислянскаго края, за указанный выше періодъ времени, составляютъ нынѣ цѣлыя фоліанты, цѣлыя кипы печатныхъ томовъ, въ которыхъ свѣжему человеку крайне трудно разобраться и ориентироваться. Эти печатные памятники польскаго лѣсного дѣла доказываютъ прежде всего, что означенное дѣло было крайне подробно и педантично регламентировано во всѣхъ его отрасляхъ, начиная отъ въ высшей степени «янтенсивной» карательной инструкции по нарушеніямъ лѣсного устава (1839 г.) и кончая самоподробнѣйшими указаніями, какъ садить, сѣять или таксировать лѣсъ. Такая регламентація кажется, правда, результатомъ строгой системы, въ основу которой положены начала, составлявшія, повидимому, въ свое время послѣднее слово науки, но подобная мелочная казуистика не вяжется какъ-то съ характеромъ славянской расы и невольно наводитъ на мысль, что въ Царствѣ Польскомъ и въ эпоху «Правительственной комиссіи» между теоріей и практикой лѣсного дѣла не было полного согласія и что первая, въ значительной степени, представляла также лишь блестящую вывѣску якобы высокой европейской культуры.

Во второй разъ я очутился на берегахъ Вислы въ 1875 году, на возвратномъ пути изъ Германіи, гдѣ, удовлетворивъ досыта жажду лѣсоводственныхъ знаній, я думалъ только объ одномъ—какъ бы поскорѣе вернуться домой и дать покой развинченнымъ нервамъ. Въ 1875 году, судя опять-таки по официальнымъ и частнымъ источникамъ, лѣсное дѣло въ Привислянскомъ краѣ мчалось *осиять* на всѣхъ парахъ. Хотя безчисленныя инструкции и распоряженія бывшей Правительственной Комиссіи оставались въ силѣ и мѣстные органы лѣсного управленія функционировали по прежнему, но всѣ эти печатные фоліанты въ полномъ смыслѣ слова слу-

жили лишь флагомъ, прикрывавшимъ незаконный грузъ, въ видѣ всеобщаго расхищенія казенныхъ имуществъ вообще, а лѣсовъ въ частности. Дурно-ли, хорошо-ли была устроена здѣсь административная машина, но съ изъятіемъ главнаго винта—Правительственной комиссіи—она затрещала во всѣхъ частяхъ. Наступило время самой необузданной вакханаліи, когда «уловить моментъ» не стѣмилъ развѣ круглый глупецъ или безусловно честный человекъ, что въ эпоху «моментовъ» не представляетъ большого различія. А лѣсные чины Привислянскаго края могли быть еще, пожалуй, глупцами (конечно, не злоупотребляя этимъ «правомъ»—по выраженію Берне), но быть, а тѣмъ болѣе оставаться, абсолютно честными людьми, при полномъ разстройствѣ административнаго механизма и при отсутствіи сдерживающаго и регулирующаго винта, какимъ была Правительственная комиссія,—представлялось для нихъ задачей непосильной. Въ справедливости сказаннаго легко убѣдиться изъ одного бѣглаго обзора тогдашнихъ окладовъ содержанія, присвоенныхъ лѣснымъ чинамъ разныхъ ранговъ. Надлѣсничіе, напримѣръ, получали жалованья не свыше 500 р. въ годъ—и это аристократія, слявки лѣсной администраціи, для которой коляска съ четверкой лошадей въ блестящей «краковской» упряжкѣ считалась такою же насущною потребностью, какъ форменный мундиръ. Что же касается низшихъ агентовъ, то ихъ оклады доходили порою до мизерныхъ размѣровъ: до *одного* рубля въ мѣсяцъ! Въ сравненіи съ этими окладами, оклады нашихъ еиротскихъ судовъ, сдѣлавшіеся въ своемъ родѣ легендарными, должны казаться чуть не министерскими. А между тѣмъ и 12-рублевые «лѣсные чины» продолжали жить, множиться, страдать и наслаждаться, не ропща на судьбу и безъ борьбы не уступая никому своего мѣста.

Въ чемъ же заключался тутъ секретъ? Какъ могла при подобныхъ условіяхъ поддерживаться здѣсь «высокая» культура лѣса, хотя бы только съ внѣшней, декоративной стороны? Дѣло въ томъ, что явно нищенскіе оклады лѣсныхъ чиновъ восполнялись съ избыткомъ разными видами побочныхъ пользованій, какъ-то: превосходными по качеству и весьма значительными по площади служебными надѣлами, правомъ пастьбы многочисленнаго скота, правомъ охоты, которая въ этомъ краѣ представляетъ немаловажную цѣнность, и наконецъ, самыми разнообразными способами пользованія древесиной, въ формѣ «депутатовъ» (безденежные обязательные отпуски) на отопленіе и постройки и въ иныхъ формахъ, не имѣющихъ законныхъ основаній, но освященныхъ обычаемъ и безмолвнымъ согласіемъ высшихъ властей. Если принять, затѣмъ, во вниманіе, что

въ до-реформенное время польскіе крестьяне находились въ полной почти экономической зависимости отъ помѣщиковъ и что лѣсничество были de facto настоящими помѣщиками и притомъ весьма крупными и вліятельными, каковая роль сохранилась за ними въ значительной степени, какъ за представителями казны, и послѣ реформы 1864 года, то не трудно понять, почему польскіе лѣсные чины, получая ничтожное вознагражденіе изъ государственнаго казначейства и не прибѣгая къ прямымъ даже злоупотребленіямъ, могли существовать нетолько безбѣдно, но и съ полнымъ комфортомъ, не забывая и «про черный день». Не подлежало, однако, сомнѣнію, что весь этотъ механизмъ управленія, построенный на феодально-аристократическихъ началахъ и опирающійся не на положительный законъ, а больше на патріархальные обычаи и традиціи, представлялъ явленіе ненормальное вообще и при малѣйшей несправности въ своихъ сложныхъ составныхъ частяхъ долженъ былъ рухнуть окончательно, благодаря своему полному несоотвѣтствію съ духомъ вѣка и съ новыми условіями гражданственности, созданными реформами 60-хъ годовъ. Такъ оно и случилось послѣ 1868 года. Тогда-то и началась упомянутая вакханалія въ государственныхъ лѣсахъ Привислянскаго края, продолжавшаяся, къ счастью, не до полного истощенія сихъ лѣсовъ и завершившаяся передачей послѣднихъ въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ (1880 г.).

Въ третій разъ я проѣхалъ Привислянскій край въ 1884 году, направляясь въ самый центръ интенсивной лѣсной культуры—въ Саксонию, а затѣмъ дальше на западъ, въ благодатную Францію, подъ «лазуревое небо юга». Разумѣется, я пробылъ въ этомъ крайѣ или, вѣрнѣе, въ Варшавѣ лишь столько времени, сколько понадобилось на переѣздъ изъ одного вокзала въ другой. Но на этотъ разъ судьба такъ распорядилась, что я застрялъ надолго въ сосѣдней съ Царствомъ Польскимъ Силезіи, увлеченный ея лѣсами и ея лѣснымъ хозяйствомъ, а въ виду общности условій обѣихъ странъ, не могъ не заинтересоваться вопросомъ: какъ же стоитъ лѣсное дѣло въ нашихъ привислянскихъ губерніяхъ, или—по выраженію пограничныхъ жителей—«за кордономъ»? Разрѣшить этотъ вопросъ я предполагалъ на обратномъ пути и мелѣялъ эту мысль во все время моего заграничнаго путешествія, при чемъ осмотръ польскихъ лѣсовъ думалъ начать съ Галиціи, гдѣ только что возникло лѣсное общество и закипѣла, повидимому, энергическая дѣятельность на всѣхъ поприщахъ народнаго хозяйства. Но (вездѣ и всегда зло-счастное «но»), по мѣрѣ приближенія къ роднымъ границамъ, при-

нятое мною рѣшеніе подверглось разнымъ колебаніямъ, встрѣтились какія-то препятствія, и въ концѣ-концовъ я вернулся домой, не взглянувъ ни однимъ глазомъ на привислянскіе лѣса. Впрочемъ, главнымъ виновникомъ здѣсь я считаю профессора лѣсоводства Гемпеля (Вѣна), который, узнавъ о моемъ намѣреніи осмотрѣть лѣса Галиціи, разразился такими презрительными эпитетами по адресу тамошняго хозяйства и выразилъ такое непритворное удивленіе—какъ можно интересоваться лѣснымъ дѣломъ Галиціи и русской Польши, побывавъ въ Саксоніи, Баваріи и Австріи (?), что я сразу сдался на его доводы, тѣмъ болѣе, что это согласовалось съ моими собственными, сокровенными намѣреніями.

Между тѣмъ, въ 1884 г. лѣсное дѣло въ Привислянскомъ крайѣ вступило уже въ новый фазисъ. Теперь функционировали здѣсь три окружныя лѣсныя управленія, съ русскими специалистами во главѣ, но составъ надлѣсничихъ, подлѣсничихъ и стражи оставался прежній, съ прежними «историческими» окладами и, слѣдовательно, съ прежними порядками, хотя значительно смягченными и ограниченными тѣми, по возможности, рамками, какія установлены были бывшей Правительственной комиссіей. Однимъ словомъ, это былъ періодъ «вливанія новаго вина въ старые мѣха», и только съ 1885 года реформа управленія государственными лѣсами осуществлена въ полномъ объемѣ и введенъ институтъ лѣсничихъ и лѣсной стражи по образцу, принятому въ Имперіи. Слѣды старой организациі сохранились лишь въ мѣстныхъ законахъ (гражданскихъ и фискальных), но таковыя законы сдѣлались дѣйствительными и единственными регуляторами административной машины, а всякіе обычаи, традиціи и «примѣры», какъ можно надѣяться, навсегда сошли со сцены. Такимъ образомъ, 1885 г. смѣло можетъ быть отмѣченъ, какъ начало новой эры въ лѣсномъ хозяйствѣ Привислянскаго края.

Спустя девять лѣтъ я снова попалъ на берега Вислы, но на этотъ разъ не проѣдомъ, а нарочито, при чемъ мнѣ предоставлена была полная возможность близко ознакомиться съ здѣшними лѣсами. Прежде, однако, чѣмъ стану заносить свои впечатлѣнія на бумагу, полагаю не лишнимъ привести нѣкоторые статистическія данныя для характеристики управленія государственными лѣсами, о которыхъ, главнымъ образомъ, поведу свою рѣчь.

Лѣса Привислянскаго края, состоящіе въ вѣдѣніи казеннаго управленія, занимаютъ площадь въ 800 т. десятинъ (въ круглыхъ цифрахъ). Въ этомъ числѣ собственно казенныхъ лѣсовъ заключается 600 т. дес., раздѣленныхъ на 54 лѣсничества и на 1.430